БОГЪ ТО БОГЪ

ДА САМЪ

НЕ БУДЬ ПЛОХЪ

Сочиненіе Ц***

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

---

2 шк
А

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи Горцева.—Б. Подъяческая №25
1874

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 Августа 1874 г.

225048

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Эхъ, кабы Волга—матушка вспять побѣжала,
Кабы можно, братцы, начать жить сначала.

На что это барину, что эту пѣсню сложилъ, понадобилось, чтобы Волга-матушка вспять побѣжала—мнѣ не вѣдомо, да и хорошаго-то отъ этого, окромя пакости, ничего-бы не было. А что на счетъ жизни такъ это вѣрно, хорошо-бы ее съизнова повернуть, чтобы шла она не такимъ чередомъ, какъ по сей часъ идетъ.

Управляютъ нами князья, баре, попы да чиновники, а во главѣ у нихъ царь стоитъ—и работы имъ, братцы, полонъ ротъ: на одни пиры да закуски сколько времени-то уйдетъ, а промежду дѣломъ царь указы подписываетъ, кои ему господа подъ пьяную руку подсунутъ. И по-

шли ему, Господи, за эти указы тихую да скорую кончину, столь они сладостно крестьянству достаются. Про свободу-то сами знаете, какова эта воля—вольная, какъ послѣ нея легче жить стало; въ клѣтяхъ да амбарахъ у васъ, чай, поприбыло, а если въ амбарахъ не прибыло, за то податей да повинностей нынѣ поболѣ стало. И за это его глупые люди да подлыя души царемъ—освободителемъ зовутъ.

Да что объ этомъ толковать, все это мужикъ до тонкости знаетъ, все на своей шкурѣ вытерпѣлъ. Да и крѣпокъ-же русскій мужикъ: чего только не вытерпитъ; только не пора ли это дѣло и бросить, не пора ли и за разумъ взяться? А что тебѣ разумъ сказываетъ? А сказываетъ, что надо дружнѣе за свое дѣло взяться, чтобъ не такъ, что всякъ за себя, а Богъ за всѣхъ, а чтобы одинъ за всѣхъ и всѣ за одного; тогда дѣла можетъ и получше пойдутъ. Тогда-бы можно и барскую-то сволочную породу къ лѣшему на рога напялить, а по дорогѣ купцовъ—кулаковъ, поповъ да чиновниковъ защѣпить невредно будетъ. И ничего они съ нами не подѣлаютъ, да и, что подѣлать-то? Войско выставять? выставляй пожалуй! войско изъ насъ-же мужиковъ неволей въ полки понатаскано, такъ можетъ—поло-

вина его и на нашу сторону перетянетъ, а не перетянетъ, бѣда не велика; на одного солдатика сколько мужиковъ-то придется; раскинь-ка умомъ, прикинь на счеты-то, что выйдетъ?

Да глупъ, говорятъ, русскій мужикъ, пользы своей не понимаетъ; ну, какой ни на есть у мужика умъ, да свой не купленный; а за барскіе мозги не одна тысяча переплочена, такъ диво велико-ли, что они нашего брата ловко обдувать умѣютъ. Учи-ко насъ, такъ мы, можетъ, умнѣе ихъ благородья будемъ; да это имъ не больно выгодно: неграмотнаго человѣка ловчѣе обойдешь.

Однако господа смилостивились: давай, говорятъ, бѣднаго мужичка обучать: что ему въ невѣжествѣ вѣкъ свой пребывать. Ладно, принялись за дѣло круто: вездѣ школъ понастроили, и въ нашемъ селѣ школу завели.

Попался учитель намъ добрый человѣкъ: не только дѣтей училъ, но и съ нами рѣчи велъ. Полюбили мы его страсть какъ, потому больно онъ намъ хорошія исторіи разсказывалъ; говорилъ намъ, отчего худо живется, какъ бы лучше сдѣлать, да какъ въ другихъ земляхъ мужички себѣ волю добыли. Прочуяли, окаянные, что не ихнюю руку тянетъ; прислали изъ губерніи

офицера съ двумя солдатами и у каждаго бичева на плечѣ намотана, чтобы коли вязать кого придется не далеко бѣгать было. Пріѣхалъ офицеръ по царскому указу и увезъ у насъ учителя; жалъ намъ его было, да дѣлать нечего, только диву давались—съ чего это, молъ хорошему человѣку жить не даютъ.

А всему этому дѣлу зачинщикъ—попъ былъ. Завидно ему стало, что умный человѣкъ его долгогриваго чуждается, а съ нами, мужиками, компанію ведетъ.

Дѣло-то по порядку вотъ какъ шло: былъ у насъ на деревнѣ богатѣй—мужикъ Архипъ Осиповъ, почитай, всю округу въ рукахъ держалъ, всѣ у него въ кабалѣ были. Вотъ однова сидимъ съ учителемъ да про свои дѣла про мужицкія разговариваемъ; подходитъ къ намъ Архипъ Осиповъ, поздоровались; сѣлъ онъ да и говоритъ:

„Все объ нуждишкахъ, мужички почтенные поговариваете?“

—О чемъ-же, молъ, какъ не объ нихъ.

„То-то, говоритъ, только нонѣ легота большая пошла: подушныя пособавили, менѣ платить-то придется.“

Усмѣхнулся учитель да и говоритъ:

—Точно, Архипъ Осипычъ, подушныя-то по-

сбавили, да новую подать наложили.

„Какую это, говоритъ, словно не слыхали.“

—А государственный земскій сборъ аль забылъ. Аль тебѣ отдать-то ничего не стоитъ—мошна толста, такъ думаешь и всякому легко. Нѣтъ, братъ, мужику всякая копѣйка потомъ да кровью достается и всякій эту трудовую копѣйку у него отнять не стыдится. Хоть тебя къ примѣру взять: мужикъ ты богатый, домишко у тебя вотъ какой выведенъ, а коли спросить тебя, самъ ли ты его выстроилъ и выдетъ что не ты, а міръ его тебѣ вывелъ.

„Ну, это нечего зря болтать: не міръ деньги за стройку-то платилъ, а вынималъ я ихъ изъ своего кармана.“

—Вынималъ-то ты изъ своего, а откуда ты ихъ въ свой карманъ-то клалъ. Ты вотъ величаешься: я, молъ, всегда бѣдному человѣку помогу, и точно что помогаешь да больше объ себѣ заботишься; дашь ты по веснѣ, примѣрно, четверикъ ржи, насыплешь его вровень съ краями, а по осени тебѣ отдай его верхомъ; а говоришь я сколько далъ, столько и взялъ. и выходитъ ты хуже жида, что заклады принимаетъ: тотъ хоть на чистоту дѣло ведетъ, а ты прикрываешься: я четверикъ далъ, четверикъ и при-

нялъ, а верховъ не считаешь, а на эти верхи-то ты и домъ выстроилъ, да еще благодѣтелемъ всей округи себя ставишь.

„Что-же не любо не *бери*, *я*, вѣдь, не навaливаю.“

—Да развѣ мужикъ беретъ! нужда его заставляетъ; съ голоду съ семьей помирать никому неохота, а ты этимъ дѣломъ и пользуешься—съ чужаго горя барыши собираешь; что-то, братъ, не ладно выходитъ.

Плюнулъ съ досады Архипъ Осипычъ и пошелъ не солоно хлѣбавши. Смотримъ, прямо къ попу, а попъ у насъ былъ самый пустой да сутяжный человѣкъ: бывало пройдетъ корова мимо его выгона да травки маленько щипнетъ, а ино дѣло и такъ не тронетъ пройдетъ, ужъ сейчасъ кричитъ: потрава—корову на дворъ, а съ хозяина штрафъ. А если бывало крестины, либо похороны или свадьбу играть задумаешь—чистое раззореніе, заломитъ цѣну несообразную, упрется, что хошь съ нимъ дѣлай, а деньги отдай; бывало покойники по недѣлѣ въ избѣ стоятъ, а ужъ попъ свое возьметъ. Вотъ къ нему-то и пошелъ Архипъ Осипычъ; входитъ да и говоритъ: „Долженъ ты, отецъ Иванъ, о своемъ стадѣ попеченіе имѣть!“ Какъ вскочитъ попъ:

—Что ты говоришь, Архипъ Осипычъ, аль у меня волкъ овцу зарѣзалъ?

„Не объ этомъ я тебѣ стадѣ говорю, а надъ которымъ ты отъ Бога пастыремъ поставленъ.“

—Аль кто изъ моей паствы-то померъ? ну ужъ какъ хочешь, Архипъ Осипычъ, а дешево взять нельзя; самъ знаешь, какое время—страда на дворѣ.

„Да постой ты, алчная душа, дай слово то вымолвить: главная причина тутъ учитель, только народъ смущаетъ, ты бы паствѣ-то супротивъ его слово какое сказалъ.“

—Сказать, отчего не сказать, сказать можно, только ты за это меня полштофчикомъ соблаговоли—оно и слова-то съ языка ходчѣй побѣгутъ да и смѣлости побольше.

Послали за полштофомъ, роспили; послали за другимъ; всю ночь у попа гульбище шло. Натрескался попъ, скачетъ въ однихъ порткахъ по горницѣ да пѣсни поетъ, а тамъ пахабное пѣть зачалъ; попадья съ дочкой отъ одного сраму убѣжала, у нашего мужика на селѣ и ночь ночевали.

Такъ они учителя въ этотъ день и не тронули, однако этого дѣла не бросили; черезъ недѣльку или побольше сидимъ мы опять съ учите

лемъ, разговариваемъ. Разсказывалъ онъ намъ въ тѣ поры, какую царь съ господами штуку придумали, чтобы мужикъ за подати не больно сердился, а чтобъ деньги съ него все таки шли: перво на перво на этотъ конецъ они паспорта придумали; бумаженка-то, въ лавкѣ ей грошъ цѣна, а ты за нее 1 руб. 45коп. отдай, а жить безъ нея нельзя—за это царскіе прислужники, становые да чиновники не больно хвалятъ, потому, говорятъ, на это царскіе указы есть, чтобы всѣмъ паспорта имѣть и за нихъ—за бумаженку простую—1 руб. 45 коп. платить.

Да этаго имъ еще мало, денегъ-то у царя всего ничего, только и есть не одинъ десятокъ милліоновъ за границей въ банкѣ, на всякій случай положены. Ну да онъ не только объ себѣ думаетъ: придворнымъ тоже жить надо. Думали, гадали и придумали на всякую потребу мужицкую подати наложить. Возьмемъ, примѣрно, вино: съ завода-то его за восемъ гривенъ ведро съ барышемъ продать можно, а ты за него въ иномъ мѣстѣ 4 цѣлковыхъ плотишь, стало быть 3 руб. 20 коп. лишку. Вотъ ты на торговца-то и сердишься и диву дашься, какъ это, молъ, царь батюшка мужика обирать даетъ, а того не вѣдаешь, что царь тутъ всему дѣлу голова и зачинщикъ.

Оно вотъ какъ идетъ: издастъ царь указъ наложить за права на винного заводчика столько-то. А купцу что, сколько хошь накидывай: накинулъ на ведро сколько душенькѣ угодно, вотъ убытки за права-то съ барышемъ и покрылъ, а за него мужикъ все и выплатилъ, потому безъ вина тоже нельзя: первое дѣло крестины аль свадьбу играть, второе дѣло праздникъ деревенскій, хошь не хошь, а купишь. Да и не на одно вино такъ-то, а на все, какъ есть, и на соль, и на чай, и на сахаръ, и на ситцы, и на сукна разныя — на все — на все, за что ни возьмись. И называютъ это они косвенными налогами, значитъ не прямо съ мужика беремъ, а косымъ путемъ да обходами.

Такъ-то толкуемъ, глядь, откуда ни возьмись, попъ стоитъ; снялъ шляпу: „здравствуйте, говоритъ, господинъ учитель, а у самаго такая злая усмѣшечка вокругъ губъ играетъ.

„Что это народъ темный наставляете? Доброе дѣло, доброе дѣло; только вѣдь не всякую правду мужику говорить надо, ино дѣло и соврать не мѣшаетъ, коли того начальство требуетъ.

— Вы, отецъ Иванъ, при святыхъ книгахъ состоите, стало быть писаніе вамъ извѣстно: у

какихъ это пророковъ или святителей вы вычитали, что народъ обманывать надо.

Разсердился попъ.

„Ты, говритъ, мнѣ писаніемъ-то не тычь, я его не хуже тебя, молокососа, знаю; въ писаніи сказано: всякъ властямъ предержащимъ да повинуется, ибо нѣтъ власти, аще не отъ Бога.

— Если-бы она отъ Бога была, она по божески и дѣлала, а то всякая власть только и норовитъ, какъ-бы мужика обобрать. Вотъ вы, пастырь духовный, должны-бы радѣть о стадѣ, а вы первый его обираете, да еще говорите, что мужика обманывать надо, а ложь да мздоимство тяжкіе грѣхи, или, можетъ быть, по вашему, въ писаніи-то объ этомъ ничего не говорится?

Озлился попъ, краснѣй печенаго рака сдѣлался.

„Ахъ, ты, говоритъ, мальчишка, молокососъ, да я тебя туда упеку, куда Макаръ телятъ не гонялъ“ и пошелъ со злостью прочь; идетъ, кулакомъ на учителя грозится да ругается:

„Мальчишка, молокососъ, материно молоко на губахъ не обсохло.“

А былъ тутъ съ нами парнишка лѣтъ пятнадцати, какъ крикнетъ попу:

— Батько, что ты старостью-то больно расхвастался, вонъ у насъ на мельницѣ кобель Валетка

больно старъ, такъ вѣдь старую собаку не батькой звать.

А другой какъ заржетъ по лошадиному да говоритъ:

„Батько, чего ты свою породу-то жеребячью распустилъ, ишь какъ ржетъ.“

Попъ загрозилъ пуще прежняго, ругается всякой скверностью, наконецъ съ сердцовъ плюнулъ и пошелъ домой.

Посмѣялись мы тутъ не мало и подумали, что все это къ лучшему, попъ молъ мѣшаться не станетъ, анъ вышло это не по нашему: смастерилъ попъ въ губернію доносъ на учителя, благо грамоту знаетъ. Дошло дѣло до Питера; оттуда указъ: представить учителя жандармами, ну и увезли его. Потомъ глядь поглядь и въ другихъ школахъ—гдѣ учителя-то получше, которыхъ съ жандармами увезли, которыхъ отъ мѣста отставили, а во многихъ мѣстахъ и школы позакрывали; а тамъ слышимъ царскій указъ вышелъ:

„Такъ-де и такъ, мое вѣрное дворянство, жили мы съ вами какъ у Христа за пазухой: народъ русскій, какъ липку на лапти, обдирали, лучше этой жизни, кажись и не надо-бы, да завелись люди, что мужику глаза открывать зачали, а наипаче въ этомъ учителя замѣчены.

Такъ, вы смотрите, такихъ не пускайте, сами блюдите, поповъ заставьте, а становому съ исправникомъ я особый указъ черезъ губернатора пришлю."

Ужъ больно онъ на эти указы-то падокъ. И выходитъ, братцы, что и учиться-то намъ нельзя, а знать и то и другое хочется, а царь и начальство приказываетъ что-бы то, что мужику сподручнѣе знать, отъ него подальше держали, а въ чемъ ему нуждушки мало, тому учить запрету нѣтъ. Любы-ли вамъ, други любезные, мужички почтенные, указы-то царскіе!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

А то, братцы, еще указъ царскій вышелъ: дамъ я, говоритъ, вамъ судъ скорый и правый и всѣ будутъ равны передъ моимъ судомъ государевымъ. И точно съ разу-то оно будто и хорошо выходитъ: судятъ тебя 12 человѣкъ изъ обывателей, выбранные; они и говорятъ, правъ ты или виноватъ, коли правъ, ступай на всѣ четыре стороны. Оно, положимъ, пока до суда то дойдетъ, выдержатъ тебя въ острогѣ года полтора, два, а

то и поболѣ. Придешь домой, хозяйство-то порастущено, бабѣ одной не управиться, въ полѣ работа не легкая. Ну да и то хорошо для царскаго указа—хоть неповиннаго человѣка въ Сибирь не угнали.

Порадовались мы тогда, потому этотъ указъ былъ намъ на руку. Задумали мы тогда дѣло вести, хотѣли съ себя лишнюю подать скачать. А завелась она у насъ вотъ съ чего: были мы крѣпостные люди, ну и всякія тяготы несли.

Только, не вѣдомо съ чего, вздумалось нашей княгинѣ насъ на волю выпустить: совѣсть что-ли ее передъ смертью загрызла, только на волю она насъ точно отпустила. И зажили мы людьми вольными.

Да говорятъ, коли Господь кого обидѣть захочетъ, такъ прежде всего разумъ отыметъ; такъ и у насъ вышло: удумали наши старики, что безъ помѣщика ихъ всякій палатскій обидѣть можетъ, что безъ барина за нихъ некому заступится будетъ; которые помоложе, да у которыхъ барскія зуботычины разумъ-то еще не совсѣмъ отшибли пытались было отговаривать. Куда тебѣ, заладили одно: хотимъ да хотимъ въ крѣпость.

Да къ тому-же попъ зачалъ уговаривать да

застращивать: просись, братцы, просись, не то хуже будетъ.

Того старики не разобрали, что попу съ господами выгоднѣе, особливо въ прежніе годы; гдѣ бы помѣщикъ не былъ, а свадьбу играть въ свою деревню всегда ѣдетъ, а похороны ужъ всегда свой попъ справляетъ; ну онъ отъ нихъ и пользовался; барскіе обноски тоже ужъ всегда попадья да поповы дѣти донашивали.

Становой тоже не мало въ станъ вызывалъ: непремѣнно приказывалъ въ крѣпость проситься; этому тоже на руку было, потому ему отъ нашей княгини всегда особое жалованье шло.

Ну стариковъ-то они и отуманили, а въ старые годы, не то что теперь, старики большую силу имѣли. Сказано, сдѣлано: пошли наши старики въ Питеръ; старая княгиня ужъ померла, вышла къ намъ ее дочка—при царскомъ дворѣ состояла. Вышла, со стариками разговариваетъ, сама платочкомъ помахиваетъ да духи изъ стекляницы нюхаетъ, а халую велѣла вокругъ стариковъ ходить да душистыя травы на уголья бросать. Извѣстно отъ мужика духъ не хорошъ и дегтемъ, и навозомъ несетъ, оно ихнему барскому носу и не больно любо. Вотъ отъ денегъ мужицкихъ это ничего, этотъ духъ любятъ.

„Что, говоритъ, вамъ, старики, надо?“

Старики бухъ въ ноги:

—Въ крѣпость желаемъ, потому безъ васъ никакъ нельзя. Кто безъ васъ, милостивцевъ, за насъ заступится, кто насъ жалѣть будетъ; безъ васъ, отцовъ родныхъ, всякій палатскій обидитъ.

Вопятъ старики, съ колѣнъ не встаютъ. То-то дурость стариковская! Нашли милостивцевъ! Не они-ли васъ, пока свѣтъ стоитъ, обирать норовили! Не они-ли васъ по каретнымъ сараямъ драть водили, не они объ васъ пѣлые лѣса обхлестывали. А и жалѣли они васъ, какъ волкъ кобылу, оставилъ хвостъ да гриву, а заботились они объ васъ страсть какъ: все боялись, какъ-бы вы не зажирѣли. По себѣ знаютъ, каково тяжело тучному человѣку особливо въ лѣтнюю жару да еще на полѣ. Совсѣмъ пропадешь! Барышня-то было маленько отговаривать пустилась а старики все свое несутъ: прими да прими въ крѣпость.

Было-же это еще при томъ царѣ, при отцѣ теперешняго, при Николаѣ Павловичѣ, а это былъ перецъ за первый сортъ: только на царство сѣлъ, какъ сто двадцать человѣкъ въ Сибирь сослалъ да пятерыхъ повѣсилъ за то, что они такой заговоръ

сочинили, что дать мужикамъ настоящую волю и землю имъ отдать.

Жили наши старики въ Питерѣ недѣли двѣ; барышня еще разъ къ нимъ съ духами выходила. Они все на своемъ стоятъ. Дошло дѣло до царя; онъ говритъ:

„Возьмите ихъ въ крѣпость, а коли оброкомъ отъ нихъ пользоваться не желаете, то пусть они, пока свѣтъ стоитъ, плотятъ въ заведенія, гдѣ барскія дѣти обучаются, а я имъ указъ за печатями дамъ. Это мужикъ любитъ."

Пришли мужики назадъ въ деревню и указъ съ собой царскій принесли, а на немъ азы съ завитками выведены и печати красныя попасажены Смотрятъ старики на указъ и оторваться не могутъ. На нихъ глядя и другіе буркулы пялятъ, а того не разумѣютъ, глупые, что отъ царскаго указа льготы только и есть, что 7 цѣлковыхъ лишнихъ съ души сойдетъ.

Долго платили мы, ну да всему конецъ бываетъ. Собрали сходъ и рѣшили, что нечего намъ на свою шею за науку господскую деньги платить; у нихъ капиталы погуще нашего и сами заплотятъ. Надѣялись мы, что дѣло наше выгоритъ, потому думали, что послѣ воли всякія обязательства кончились.

Пока мы думали да гадали, стряслось надъ нами такое дѣло: послѣ схода Архипъ Осиповъ живой рукой въ станъ; все до ниточки становому разсказалъ; мы оглядѣться не успѣли, какъ смотримъ, катятъ отъ города три тройки прямо къ Архипову двору. Вышли исправникъ, становой, еще два какіе то чиновника, разсыльныхъ да солдатиковъ человѣкъ пятокъ. Закусили, велятъ народъ собирать, а чего собирать — мы всей деревней у Архиповой избы стоимъ. Сразу догадались, что дѣло о послѣднемъ сходѣ пойдетъ. Однако, если всѣмъ за разъ говорить, ничего не разберешь; выбрали мы Николая Семенова, человѣкъ лѣтъ тридцати былъ; смѣлости необыкновенной, къ тому-же грамотѣй и разумъ хорошій имѣлъ; выбрали мы его, — говори, молъ, за міръ Николай Семенычъ. Поклонился онъ міру въ поясъ:

„Спасибо, говоритъ, вамъ, что меня на такое дѣло выбрали; буду стоять за міръ пока силъ хватитъ, а что неладно скажу, такъ вы остановите, я въ такомъ дѣлѣ міру не супротивникъ.“

Только что кончилъ говорить Николай Семенычъ, выходитъ исправникъ изъ сѣней, за нимъ становой и 2 чиновника.

„Здорово, молъ, ваше благородіе, зачѣмъ по-

жаловали, мы словно объ васъ не плакали; нуждаемся-то мы вами, какъ въ мясномъ ряду кишками, такъ про себя думаемъ, а сами ждемъ, что дальше будетъ. Подходитъ къ намъ исправникъ:

—Здорово, говоритъ, голубчики бунтовщики, висѣльники, что это вы, мерзавцы, выдумали? Коли дано обязательство вашими отцами и дѣдами, то должны вы по вѣкъ платить.

Вышелъ тутъ Николай Семенычъ:

„Бунтовать мы, твое благородіе, не думали и висѣлицъ для насъ еще не настроено, а какъ съ волей всѣ обязательства кончились, то за обученіе барскихъ дѣтей мы платить не желаемъ!“

Покраснѣлъ исправникъ, рожу у него всю перекосило, какъ заоретъ:

—Такъ это ты, говоритъ, тутъ народъ бунтуешь; ты, значитъ, главный коноводъ! Да знаешь-ли, что я съ тобою сдѣлаю? Я тебѣ, мерзавцу, шкуру съ затылка до пятъ спущу, пятки сквозь горло протащу! Да знаешь-ли ты, что я съ тобою все что хочу то и сдѣлаю: хочу въ землю зарою, хочу съ кашей съѣмъ.

„Ничего ты этого со мной не сдѣлаешь, да неровенъ часъ облопаешься, коли по цѣлому мужику заразъ лопать будешь!“

Озлился исправникъ пуще прежняго, краснѣй кумачу сдѣлался, зачалъ такія забранки загинать, что мы въ первой слышали—куда мужику далеко до ихъ благородія. Ругался, ругался, да какъ развернется, и ударилъ Николая Семеныча по лѣвой щекѣ. Застоналъ міръ зашатался и какъ одинъ человѣкъ, двинулся плотной стѣной и обошелъ Николая Семеныча съ исправникомъ.

Поднялъ руку нашъ выборный, размахнулся да такъ и опустилъ, не ударилъ исправника.

„Не дерись, говоритъ, ваше благородіе, а у самаго всякую жилочку на лицѣ такъ и дергаетъ, не дерись, говоритъ, нечто не видишь, что міръ-то дѣлаетъ!“

Смотритъ исправникъ, правду сказалъ Николай Семенычъ, изъ краснаго бѣлѣе снѣгу сдѣлался; стоитъ, словно его обухомъ пришибло, а становой, смотримъ, въ тарантасикъ забился, скорчился такъ, что его и не видать оттуда.

Подскочили къ нему два чиновника:

„Брось, говорятъ, вылѣзай, не бери ты такого сраму себѣ на голову, а у самихъ отъ страху зубъ на зубъ не попадаетъ, а становой только рукой отмахивается:

—Оставьте, шепчетъ, оставьте меня! Я знаю, какъ мужикъ нашего брата учитъ!

И точно, что эта наука ему до тонкости была извѣстна. Вышелъ у насъ съ нимъ такой случай: владѣли мы лугами поемными. Луга эти во всей округѣ славились и куплены были нашими отцами да дѣдами, а купчая крѣпость по старымъ порядкамъ была на барское имя сдѣлана. Вотъ и вздумалось нашему барину оттягать у насъ эти луга и ничего-бы, кажись, не подѣлаешь! Ну, да пришелъ сѣнокосъ, мы свои старые дѣдовскіе луга выкосили и ужъ остатное въ стога дометывали. Вдругъ катитъ этотъ самый становой, соскочилъ гоголемъ съ тарантасика, прямо къ намъ.

„Это вы, подлецы, барскіе луга выкосили! Понятые, разметать стога!

Круто хотѣлъ повернуть. Мы крикнули понятымъ:

—Не тронь, не то въ колья!

Становой къ намъ, мы на него; онъ пятится, а мы все крѣпче наступаемъ. Видитъ становой дѣло плохо, на утекъ пошелъ. Тутъ ему въ догонку кто въ шею, кто въ загривокъ, а одинъ изловчился да комокъ грязи становому въ голову угодилъ; шапка у него слетѣла, подымать не сталъ, добѣжалъ до таратаечки, сѣлъ, такъ безъ шапки и уѣхалъ. Мы потомъ эту шапку на колъ

надѣли да съ пѣснями въ деревню снесли; смѣху-то, что было!

А лугами [illegible] такъ и до сей поры владѣемъ. И выходитъ, что [illegible] правду говоритъ, точно ему наша наука мужицкая тонко знакома была.

Видитъ исправникъ, что съ міромъ шутки плохія, такой лисой прикинулся, что на—поди.

„Что-же, говоритъ, братцы, я васъ жалѣючи, уговаривать пріѣхалъ, а вы супротивъ меня идете.“

А мы все ближе да ближе приближаемся, хотѣли пощупать на своихъ-ли мѣстахъ у исправника ребра сидятъ, да помѣшалъ намъ Николай Семенычъ.

„Не тронь, говоритъ, его, братцы, кабы я захотѣлъ, такъ угодилъ-бы его благородію, что до новыхъ вѣниковъ не забылъ-бы, каково мужика обижать. Да мнѣ это не надобно. Есть у насъ указъ царскій; на судѣ разберутъ, за кѣмъ правда, за мной или за исправникомъ. Всѣмъ правда равна, по его указу государеву!“

Помялся, помялся исправникъ да въ скорости уѣхалъ и Николая Семеныча съ собой увезъ.

Пытались мы было его не давать, да самъ сказалъ:

„Не тронь, братцы, не онъ меня везетъ, а своей охотой ѣду.„

Ужъ больно онъ на указъ надѣялся. Жаль намъ было Николая Семеныча. А что съ его матерью да хозяйкой дѣлалось — и сказать нельзя. Да и насъ многихъ слеза прошибла, какъ прощались съ нимъ. Словно чуяло сердце наше что въ остатный разъ мы его на селѣ видѣли.

Просидѣлъ Николай Семенычъ въ острогѣ годъ семь мѣсяцевъ. За это время, почитай, полъ деревни нашей къ слѣдователю на допросъ таскали, всѣ за Никвлай Семеныча показывали, только попъ да Архипъ Осиповъ исправникову руку тянули.

А какъ судъ-то назначили, такъ въ нашей деревнѣ только старый да малый остались; которыхъ свидѣтелями вызвали, а больше того своей охотой пришли.

Пришли судьи въ мундирахъ, трое за большой столъ противъ насъ сѣли; съ лѣвой стороны прокуроръ, а по правую защитникъ мѣста заняли, выбрали присяжныхъ засѣдателей, разсѣлись они; все больше мужички попались. Предсѣдатель велѣлъ приставу привести Николая Семеныча. Вошелъ онъ, такой-же, какъ въ послѣдній разъ мы его видѣли.

Только съ лица поопалъ маленько, да морщинка другая промежду бровей показалась, а глаза такіе-же смѣлые и много въ нихъ думы свѣтится. Кто разгадаетъ, что ему думалось, какія думушки у него въ головѣ похаживали. Не выдалъ мужикъ люду крещеному свою думу крѣпкую, завѣтную.

Поклонился онъ суду государеву, поклонился присяжнымъ засѣдателямъ и сѣлъ на скамью деревянную, на которой сидятъ воры, разбойники да конокрады—обманщики.

Допросили свидѣтелей. Началъ прокуроръ рѣчь говорить. Слушали мы, слушали, про кого это онъ разсказываетъ, только слышимъ Николай Семенычемъ называетъ. Что за притча думаемъ, никогда за нимъ такихъ художествъ не водилось, какія на него прокуроръ набрехалъ; брехалъ, брехалъ да и говоритъ:

„Вы его, господа присяжные, непремѣнно обвинить должны, потому коли это дѣло мужику спуститъ, такъ онъ всѣмъ намъ на шею сядетъ,“ а самъ головой то въ ту, то въ другую сторону помахиваетъ, словно ужъ осѣдлалъ его Николай Семенычъ. Народится-же на свѣтъ такая гадина пакостная и какъ ее мать сыра—земля терпитъ.

Потомъ защитникъ говорить началъ; разсказалъ какъ дѣло было по правдѣ, по истинѣ и кончилъ рѣчь такими словами:

„Коли повернется у васъ душа осудить человѣка неповиннаго, ваше дѣло, а мнѣ просить за него нечего. Дѣло вы слышали—судите по совѣсти!“

Пошли присяжные въ особую комнату другъ съ дружкой сговариваться, и пробыли-то тамъ всего минутъ съ десяточекъ; намъ эти минуточки часа за три показались. каково-же было Николаю Семенычу. Всталъ онъ, перекрестился и опять сѣлъ на свою скамейку, и хоть-бы что на лицѣ видать; будто еще смѣлѣй да веселѣй сталъ.

Вышли присяжные засѣдатели: „нѣтъ, говорятъ, за нимъ никакой вины.“

Что тутъ радости было, описать нельзя. Защитникъ поцѣловался съ Николай Семенычемъ, потомъ онъ къ намъ подошелъ. Мы всѣ словно сговорились, поклонъ ему въ поясъ отдали; обниманьямъ, цѣлованьямъ конца не было.

Начали наши расходиться, осталось насъ съ Николай Семенычемъ человѣка четыре мужиковъ, его хозяйка, мать да ребятишки. Спускаемся это мы съ лѣстницы, всѣ такіе веселые да

радостные; вдругъ подходитъ къ намъ офицеръ жандармскій:

„Кто, говоритъ, изъ васъ, по суду-то оправданный?“

—Я, говоритъ, Николай Семенычъ.

„Ну, поѣдемъ со мной.“

А у крыльца стоитъ троечка, въ ней солдатикъ сидитъ; посадилъ въ нее офицеръ Николая Семеныча, какъ въ тѣ поры учителя, самъ сѣлъ съ ними рядомъ, по конямъ ударили—только мы ихъ и видѣли.

Глядимъ, бѣжитъ изъ суда защитникъ, что Николай Семеныча руку держалъ; мы къ нему:

„Скажи, молъ, что за притча такая—увезли у насъ Николая Семеныча!?...

—Кто? говоритъ.

„Да офицеръ жандармскій.

Посвисталъ онъ только.

—Ну, говоритъ, плохо дѣло, не видать вамъ его, какъ своихъ ушей.

„Какъ, молъ, такъ, по чьему-же указу новый судъ-то данъ?“

—По царскому, говоритъ, почтенные, по царскому.

„Такъ кто-же его увезъ отъ насъ, по какому это указу офицеръ-то его увезъ?“

—Тоже, говоритъ, по царскому.

Не повѣрили мы: брешетъ, молъ, адвокатъ, вражій сынъ, и пошли толкаться по разнымъ мѣстамъ. У разныхъ бывалыхъ людей спрашивали: всѣ говорятъ тоже, что и адвокатъ сказалъ. И судъ по царскому, и увезли по царскому—ничего не разберешь. Немало мы походили, и подъ конецъ натолкнуло на хорошаго человѣка, онъ намъ все это дѣло разсказалъ.

Пришли мы къ нему.

„Съ чѣмъ, говоритъ, робятушки?

Вотъ, молъ, такъ и такъ, начали разсказывать, какъ судьбище шло.

„Стой, говоритъ, не надо, самъ на судѣ былъ. Чего вамъ отъ меня-то надобно?“

—Да разскажи, молъ, что это за судъ такой?

„Изволь, говоритъ, робята, только скажи перво на перво, кто судъ-то далъ?“

—Царь, говоримъ.

„Съ кѣмъ онъ этотъ указъ-то придумывалъ? Кто вокругъ его-то сидитъ? Господа дворяне, помѣщики! Съ ними онъ и дружество ведетъ, съ ними онъ и мужика обираетъ, съ ними онъ и законы пишетъ! Они-же по этимъ законамъ судъ ведутъ. И судьи баре и прокуроръ баринъ да и адвокатъ тоже баринъ. Такъ можетъ ли

быть, чтобъ господинъ по мужикову рѣшилъ. И не сыскать мужику правды на судѣ государевомъ."

„Да, вѣдь, по суду-то его оправдали. Знаю, голубчики, да кто оправдалъ—присяжные. А вы видѣли, что присяжными-то все мужички были, а будь господа, такъ и по суду-то его обвинили-бы—смекаете, православные!"

—Это, молъ, вѣрно!

„Господа-то хитры—съ царемъ батюшкой, давши судъ-то, поразмыслили, что какъ, молъ, судъ не будетъ гнуть въ нашу сторону, одначе случиться можетъ, что оправдаютъ человѣка, котораго намъ обвинить хочется, какъ тутъ быть? И рѣшили, что такого и безъ суда сослать можно."

Выходитъ, что судъ только глазамъ отводъ, коли конокрада, разбойника оправдаютъ, такъ тому дѣлу и быть. А коли человѣка, что за міръ стоитъ—такъ его живой рукой въ Сибирь сошлютъ и на судъ не взираючи.

Хороши указы царскіе; ловко царь батюшка о своемъ народѣ заботится—не мало ему объ насъ дѣлъ да думъ. Не бось куска не доѣдаетъ, ночей не досыпаетъ, все думаетъ, какъ бы съ мужичка податей по болѣ сорвать да какъ бы сдѣлать, чтобы мужикъ и пикнуть не смѣлъ.

Вышли мы отъ этаго человѣка да промежъ

себя рѣчь ведемъ: значитъ и царь супротивъ мужика идетъ, видно ужь намъ только на бога надеждушка. Вдругъ Митька, Николай Семенычу братъ двоюродный говоритъ:

„Вотъ, что, братцы, богъ-то онъ богъ, да самъ не будь плохъ. И намъ, братцы, еще окромя бога надежда есть."

— На кого-же, молъ, Митя надѣяться.

„На себя, говоритъ, родимые, на себя, голубчики!"

А у самаго лицо горитъ, а въ глазахъ словно уголья. Никогда мы его такимъ не видали.

— Что ты, молъ, Митя, Господь съ тобой, что ты задумалъ?

„Задумалъ я, братцы, дѣло не легкое: пойду я, православные, въ Сибирь холодную, выручу Николая Семеныча, приведу я вамъ его, голубчика. А вы ходи, да распрашивай по міру крещеному, нѣтъ ли гдѣ указа царскаго, отъ котораго бы легота пошла по святой Руси."

Въ ту же ночь Митька въ путь ушелъ, мы тоже не мѣшкали: пришли въ деревню, собрали котомки да и въ дороженьку. Бабы было не пускать, куда вы путаники, ну да мы не послушали, размѣнялись крестами другъ съ дружкой, да и пошли во всѣ стороны. И ходили мы, други, три мѣсяца, видѣли не мало чудесъ по бѣлу свѣту, а

указа, что намъ надобно, не нашли да и нѣтъ его.

Къ Рождеству всѣ домой пришли, Митьки нѣтъ какъ нѣтъ и вѣстей о себѣ какъ ушелъ не подавывалъ. Ужь мы недѣли три дома выжили. Митюху поджидаючи. Сижу я это съ лучинкой вечеромъ дочкѣ лапоть доковыриваю. Слышу стучатъ: кто, молъ, тутъ?— „Отопри скорѣй!“

Голосъ словно Митькинъ. Отперъ, смотрю за нимъ еще человѣкъ. Вошли въ избу, глядь Николай Семенычъ. Не плаксивъ я былъ съ молоду да и онъ мужикъ сила, а обнялись да оба и заплакали. Радостямъ и конца не было. Послѣ этого долго мы не засиживались, не больше какъ черезъ недѣльку пошли повѣщать міру крещеному, что нѣтъ на землѣ правды матушки, въ концѣ извели ее царь, князья, бояре, попы да чиновники, и не на кого мужику русскому падѣяться, какъ на свою силу крѣпкую могучую. Только дѣло нужно вести умѣючи, подниматься разомъ со всѣхъ концовъ, чтобы не очухалась нечисть поганая, какъ окружитъ ее войско крестьянское и никто отъ насъ не укроется, и будетъ тогда всякому по дѣламъ его.

КОНЕЦЪ.